

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Чарская

Тасино горе

«Public Domain»

1909

Чарская Л. А.

Тасино горе / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1909

«Судьба как-то недавно забросила меня в Райское, и я провела целое лето в семье Стогунцевых. Это прелестная, дружная, симпатичная семья. Умная, добрая Нина Владимировна и её милые дети произвели на меня глубокое впечатление. Но больше всех меня очаровала Тася. Это была прелестная девочка, самоотверженная, готовая отдать себя на служение другим, с кротким нравом и чуткой душою...»

© Чарская Л. А., 1909

© Public Domain, 1909

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	8
Глава IV	12
Глава V	14
Глава VI	16
Глава VII	19
Глава VIII	21
Глава IX	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лидия Алексеевна Чарская

Тасино горе

Глава I

Почему сердятся на Тасю

Золотые лучи июльского солнышка заливают комнату своим ярким светом. Окно в сад раскрыто настежь, и в него тянутся колючие ветки шиповника, сплошь покрытые душистыми розовыми цветами.

Черноглазая девочка, подвижная и хорошенькая, но с капризно вытянутыми в гримасу губами и с сердито нахмуренными бровями, пишет, потешно прикусив кончик высунутого языка.

Пожилая гувернантка, низко наклонив голову над книгой и сощуриив близорукие глаза, громко читает, отделяя каждое слово.

– «Послушание и покорность есть самое главное достоинство каждого ребенка», – диктует гувернантка и, оторвавшись на мгновение от книги, обращается к черноглазой девочке:

– После ребенка надо поставить точку. Вы написали, Тася?

Девочка бурчит что-то себе под нос, потом быстро отбрасывает от себя перо и кричит чуть не в голос на всю классную:

– Я посадила кляксу, мадмуазель! Я посадила кляксу!

– Тише! – спокойно, но строго останавливает гувернантка, – не кричите же так, я не глухая. Приложите промокательную бумагу и пишите дальше.

– Я не хочу писать! – решительно заявляет девочка и резким движением отшвыривает тетрадь в сторону.

– Но вы должны заниматься, – чуть повышая голос, возражает Марья Васильевна (так зовут гувернантку). – Вы должны заниматься, Тася, – еще строже повторяет она, – ваша мама желает, чтобы вы делали диктовку ежедневно.

– Неправда! – горячится девочка, – мамаша добрая и не захочет мучить бедную Тасю, а это все вы сами выдумали! Да, да, да! Сами, сами, сами! – И она готова расплакаться злыми, капризными слезами.

Потом, неожиданно придвинув к себе тетрадь и обмакнув перо, она сердито заговорила:

– Ну, да уж хорошо! Диктуйте! Я буду писать, раз вы требуете. Диктуйте, только поскорее!

И в тоже время черные глазки девочки весело и плутовато блеснули под длинными пушистыми ресницами.

– Так-то лучше, – произнесла, несколько смягчаясь в свою очередь, Марья Васильевна, – давно бы так.

И, поднеся к своим близоруким глазам книгу, она снова принялась читать, отделяя по слогам каждое слово:

– «Послушный ребенок – это радость всех окружающих, – его все любят и стараются сделать ему как можно больше приятного»...

На минуту в классной воцарилась полнейшая тишина. Только мерно раздавался голос Марьи Васильевны да скрип пера, быстро бегающего по бумаге. Тася, склонив головку на бок, теперь старательно и усердно выводила что-то пером на страницах тетради.

– Ну, кончили вы, наконец, Тася? – через некоторый промежуток времени обратилась снова Марья Васильевна к своей воспитаннице.

– Кончила, мадмуазель! – с самым смиренным видом возразила та, протягивая тетрадь гувернантке.

Гувернантка по привычке приблизила тетрадь к самому лицу и в ту же минуту легкий крик негодования сорвался с её сердито поджатых губ.

Тася громко рассмеялась на всю классную. На странице тетради был довольно сносно нарисован брыкающийся теленок, под которым неумелым детским почерком было старательно выведено рукой Таси: «самый послушный ребенок в мире»... К довершению впечатления, под последним словом сидела огромная клякса, к которой изобретательная Тася приделала рожки, ноги и руки и получилось нечто похожее на те фигурки, которые называются «американскими жителями» и продаются на вербной неделе.

Тася была, казалось, в восторге от своей затеи. Она схватилась за бока и хохотала на всю комнату.

Но Марья Васильевна не смеялась. Она стала красная и в одну секунду вырвала злополучный рисунок из тетради. Потом, бросив на свою не в меру расходившуюся ученицу уничтожающий взгляд и высоко подняв руку с злополучным листком, она, помахивая им, как флагом, двинулась к двери.

– Прекрасно! Прекрасно! – произнесла она, чуть не задыхаясь от гнева, – чудесный сюрприз приготовили вы вашей мамаше ко дню её рождения!

И, еще раз взмахнув листком, она вышла из классной, сильно хлопнув за собой дверью.

Тася слышала, как вслед затем щелкнула задвижка, как повернулся ключ в замке, – и черноглазая девочка разом поняла, что она снова наказана.

Глава II

Виноватая

Золотое солнце по-прежнему ласково улыбалось с неба, заливая классную своими яркими лучами; по-прежнему розовый шиповник назойливо тянулся в окно и точно нашептывал что-то Тасе легким, чуть уловимым шелестом своих колючих ветвей.

Но девочке уже не было так весело, как прежде. Смех её оборвался, личико вытянулось и точно потемнело.

Мамино рождение!.. Приятный сюрприз!.. А она, Тася, совсем из головы выпустила, что сегодня день маминого рождения. Совсем даже и позабыла об этом и не подумала приготовить подарка милой мамусе. А Леночка и Павлик наверное уже приготовили и будут гордиться этим перед ней, Тасей! Нет! Нет! Никогда! Ни за что! Она не оставит без подарка милую маму, которая одна только и умеет прощать все шалости и проделки своей любимицы.

Как могла она забыть о ней, о милой мамочке!

И черноглазая девочка, в знак своего негодования на саму себя, изо всех сил ударила по столу своим крошечным кулачком.

– Кар! Кар! Кар! – неожиданно послышалось над её головой в эту самую минуту.

Тася подняла глаза. Прямо перед окном на ветке старой липы, росшей у дома в простенке между двумя окнами классной комнаты, сидела небольшая черная птица, едва оперившаяся, с желтым клювом и смешными, круглыми, глупыми глазами.

Это был, очевидно, выпавший из гнезда птенец-вороненок, еще не умевший летать. Он беспомощно помахивал своими крыльями, поминутно раскрывал желтый клюв и выпускал из него свое непонятное: Кар! Кар! Кар!

В одну секунду Тася забыла и про день рождения мамы, и про злополучный рисунок, и про гнев Марьи Васильевны.

Быстро вскочила она на стул, оттуда на стол, затем в один прыжок очутилась на окне и скоро её живая, юркая фигурка исчезла в зелени развесистой липы. В следующую же минуту карканье прекратилось, потом послышалось снова с удвоенной силой и желторотый птенчик забился в руках Таси.

Совершенно забыв о том, что на ней надето любимое мамино платье из белого батиста с нарядной кружевной оборкой, Тася, с ловкостью белки перепрыгивая с сучка на сучок, уже готовилась слезать с дерева, под неистовое карканье обезумевшего от страха вороненка, как неожиданно нога её поскользнулась, ветка, на которую она опиралась, выскользнула из-под ступни девочки и Тася, перекувырнувшись в воздухе, вместе с ошалевшим с перепуга вороненком шлепнулась плашмя в только что политые грядки огурцов и редиски.

Глава III

Странный подарок

Мама в своем нарядном розовом капоте «с пчелками», то есть рисунками пчелок, разбросанными по нежному розовому фону, сидела за утренним чаем.

Марья Васильевна, вся красная от неудовольствия, старательно перетирала чашки, сидя за самоваром, и жаловалась на Тасю. Подле прибора мамы лежал злополучный рисунок, вырванный из учебной тетрадки. Лицо мамы было озабоченно и грустно.

Марья Васильевна говорила: Тася невозможна. Тася непослушна. Тася дерзка и шаловлива. Конечно, она, Марья Васильевна, очень привязана к семье и любит Нину Владимировну (Тасину маму зовут Ниной Владимировной). Но... кажется, она не в состоянии больше воспитывать Тасю. Да и вряд ли кто возьмется за это. Тася невозможна. Самое лучшее, если ее отдать куда-нибудь в учебное заведение. В ближайший город, например, где у двоюродного брата Марьи Васильевны есть пансион для благородных девиц. Девочки содержатся замечательно хорошо в этом пансионе: их там учат и воспитывают, исправляя от лени и дурного характера. Там и Тасю исправят и сделают человеком, по крайней мере, а домашнее воспитание для неё – гибель.

И, окончив эту длинную речь, Марья Васильевна испытующе взглянула в лицо мамы.

Мама тоже посмотрела на Марью Васильевну, потом по лицу её проскользнула печальная улыбка, и она сказала:

– Вы простите, дорогая m-lle Marie, но Тася – моя слабость. Она, вы знаете, единственная из моих троих детей, не знала отцовской ласки: муж умер, когда Тасе была всего неделя, вот почему мне так жалко было мою сиротку, и я старалась ее баловать и за отца, и за себя. Я понимаю, что Тася избалована, но я так люблю мою девочку, что не в силах теперь обращаться с нею строго и сурово.

– Вот потому-то я и советую отдать ее из дома, – вы слишком балуете Тасю, а в пансионе моего двоюродного брата с ней будут обращаться взыскательно, но справедливо. Это принесет ей только одну пользу, – проговорила недовольным голосом Марья Васильевна.

– Знаю, – покорно согласилась Нина Владимировна, – очень хорошо знаю... Но что поделаешь! Я слабая мать. Простите мне мою слабость, а заодно простите и Тасю. Сегодня день моего рождения и мне бы хотелось, чтобы девочка была счастливой в этот день.

– Как вам угодно, Ниша Владимировна! – произнесла Марья Васильевна недовольным голосом. – Я говорила это только потому, что от души желаю добра вам и Тасе.

– Вполне верю, моя дорогая, и даю вам слово с сегодняшнего дня следить за девочкой особенно строго. Если поведение Таси окажется неподдающимся исправлению, – что делать! Я отдам ее куда-нибудь...

И Нина Владимировна тяжело вздохнула.

В ту же минуту дверь на террасу, где они обе сидели за круглым столом, широко распахнулась и двое детей – мальчик и девочка – со всех ног кинулись к матери.

– Мамуся! Душечка наша! Поздравляем тебя! – в один голос кричали они, бросаясь обнимать и целовать Нину Владимировну.

Старшему из детей, Павлику, уже минуло четырнадцать лет. Это был плотный, коренастый мальчуган, в кадетской рубашке с красными погонами, в форменной фуражке, лихо сдвинутой на затылок. Его широкое, здоровое личико со смелыми, открытыми глазами было почти черно от загара и весь он дышал силой и здоровьем.

Сестра его, нежная, белокурая девочка, болезненная и хрупкая на взгляд, с худенькими ручонками и впалыми щеками, казалась много моложе своих одиннадцати лет. Леночка была

очень слабого здоровья и постоянно ее лечили то от того, то от другого. Ради неё-то и проводила Нина Владимировна безвыездно зиму и лето в своем имении «Райском». Доктора единоголосно запретили Леночке жить в городе и про город и его удовольствия дети знали лишь понаслышке.

«Райское» находилось в самой глуши России и до ближайшего города было около ста верст. Один Павлик воспитывался в Москве, в корпусе и приезжал к матери только на каникулы.

Девочек Стогунцевых учила гувернантка, а сельский священник преподавал им Закон Божий. Сама Нина Владимировна, зная в совершенстве французский и немецкий языки, учила этим языкам дочерей.

Кроме Нины Владимировны, Марьи Васильевны и детей, в доме находилась вторая нянюшка, выходившая саму хозяйку дома и теперь помогавшая Марье Васильевне присматривать за детьми.

Со смертью мужа, которого она очень любила, Нина Владимировна Стогунцева перенесла всю свою горячую привязанность на сирот-детей. Она души в них не чаяла, особенно в Тасе, которую вследствие этого избаловала себе на голову.

Но и Павлика с Леночкой она горячо любила.

При их появлении печальная улыбка разом сбежала с её лица, она крепко обняла обоих детей и притянула их к себе.

– Вот тебе мой маленький подарок, мамуся, – немного сконфуженно говорил Павлик, вытаскивая из-за спины что-то тщательно обернутое в бумагу.

Нина Владимировна с особенным вниманием развернула пакетик и увидела красиво переплетенную записную книжку, работы Павлика.

У Павлика были положительно золотые руки. За что он ни брался, все у него выходило споро и красиво. И трудолюбив он был, как муравей: то огород разведет, то коробочки клеит, то сено убирает на покосе или рыбу удит в пруду. И эта, подаренная матери, им самим переплетенная, книжечка – одна прелесть.

Нина Владимировна несколько раз горячо поцеловала за нее своего славного сынишку и глаза её обратились к Леночке, которая, в свою очередь, подала матери искусно вышитый коврик к кровати.

Мама крепко обняла свою старшую девочку, всегда радовавшую ее послушанием и добрым, кротким нравом.

– А Тася что же? Или она уже поздравляла тебя, мамуся? – спросила Леночка, с недоумением оглядываясь во все стороны и ища сестру.

Но никто не успел ей ответить, потому что сама Тася появилась на пороге.

Но, Боже мой, в каком виде!

Легкий шепот испуга и изумления сорвался с губ присутствующих при виде девочки.

Нарядное белое платье с кружевными воланами было грязно до неузнаваемости. Целый кусок оборки волочился за ней в виде шлейфа. Волосы растрепаны. Лицо красно. На лбу огромная царапина и кончик носа замазан глиной или землей, как это умышленно делают клоуны в цирке.

– Мамочка! Милая! Дорогая! – кричала она с порога, – поздравляю тебя! Ты не бойся, мамуся... Это ничего. Я только упала с дерева... С липы, знаешь?.. Мне не больно, право же не больно, мамочка. А платье замоют... Я няню попрошу... Ну, право же, мне вовсе, ну, ни чуточки не больно!

– Прекрасное поведение! – сквозь зубы процедила Марья Васильевна в то время, как Нина Владимировна с тревогой вглядывалась в запачканное до неузнаваемости чумазое личико прокашницы.

– Тася! Тася! Ну, можно ли так! – говорила она с тревогой в голосе и качая головой.

Но Тася точно обезумела. Она твердила только одно:

– Мне не больно, я не ушиблась! Да право же, – и покрывала поцелуями лицо, шею и руки матери.

– Ведь вы были наказаны! Как же вы осмелились выйти из комнаты? – строим голосом произнесла, обращаясь к девочке, Марья Васильевна.

– Да я и не думала выходить из комнаты, – бойко отрезала та, – а просто из окна вылезла на липу, а с липы сверзилась прямо в грядки. Не больно только.

– Тася! Тася! Что с тобою? Я не узнаю мою девочку! – произнесла укоризненно Нина Владимировна. – Сейчас же попроси прощения у Марьи Васильевны! – добавила она с непривычной строгостью в голосе.

– Мадмуазель, простите! – буркнула Тася, не глядя на гувернантку.

– Ваша мамаша добра, как ангел, а вы так огорчаете ее! – произнесла сурово та. – А подумали ли вы о вашей мамаше? Павлик и Леночка приготовили свои сюрпризы, а вы?

– Сюрпризы! Ах! – растерянно прошептала Тася и все лицо её запылало ярким румянцем смущения.

С минуту она стояла уничтоженная, печальная, с низко опущенной головой. Потом вдруг личико её засияло улыбкой, глаза блеснули и она с радостным смехом бросилась на шею матери.

– Душечка мамуся! – шепнула она, вся радостная и счастливая, – если б ты знала, как я люблю тебя! Я не умею клеить коробочек и переплетать книг, как Павлик, или вышивать коврики, как Леночка, но... Зато я отдам самое дорогое... Самое любимое, что у меня есть... Мне «он» так нравится, что я бы с ним никогда, никогда не рассталась, но тебе я его подарю... Потому что я тебя еще больше люблю, душечка мамаша!

С этими словами она быстрым движением опустила руку в карман, и в ту же секунду перед удивленной Ниной Владимировной, подле её чайного прибора, очутилось смешное желторотое и длинноклювое существо, с едва отросшими пушистыми крыльями.

Дружное «ох» вырвалось из груди присутствующих.

Нина Владимировна невольно отодвинула свой стул от стола. Марья Васильевна даже взвизгнула от неожиданности. Леночка кинулась под защиту Павлика, надеясь на его кадетскую храбрость. Словом – произошел необыкновенный переполох. Один Павлик храбро подступил к вороненку и кричал: «Кыш! Кыш!» – махая фуражкой.

А виновник суматохи, вороненок, страшно испугавшись всего этого шума и кутерьмы, совсем потерял голову. Он недоумевал с минуту, потом неожиданно встрепенулся и с решительным видом заковылял по скатерти, опрокидывая по пути чашки и стаканы. Мимоходом попал в сахарницу, выскочил из неё, как ошпаренный, наскочил на лоток с хлебом и, в конце концов, очутился в крынке с молоком, уйдя в нее по самую шею.

Теперь из молока торчала только круглая головенка с желтым клювом, из которого вылетало поминутно неистовое: «Кар! Кар! Кар!»

Глаза несчастного птенчика стали еще круглее от ужаса, и он вращал ими во все стороны, исполненный страха.

– Он захлебнется! Он захлебнется! Спасите его! – кричала не своим голосом Тася и, не долго думая, запустив обе ручонки в крынку, извлекла оттуда своего приемыша.

Почувствовав себя на суше, вороненок разом пришел в себя. Он начал с того, что встряхнулся всем своим маленьким тельцем со слипшимися перышками, сквозь которые просвечивала кожа, и потом снова заковылял по столу.

Это было до того смешно и забавно, что Нина Владимировна не могла сдержаться от улыбки. За ней захохотал во все горло Павлик. За мальчиком засмеялась своим нежным, как свирель, голоском белокурая Леночка. И наконец сама Тася так и закатилась громким, здо-

ровым, веселым хохотом. Даже Марья Васильевна усмехнулась при виде потешной походки облезлого, прилизанного от молока птенчика.

Нина Владимировна не могла сердиться на Тасю. Кап не странен был подарок её младшей девочки – это был все-таки подарок и поднесен ею к тому же от души. Она нежно погладила по голове свою проказницу-дочурку и сказала ей на ушко своим добрым, ласковым голосом:

– Ты мне дашь слово, Тасенок, никогда не лазать по деревьям и вообще стараться удерживаться от шалостей и проказ. А вороненка твоего я беру охотно. Он такой смешной и забавный, а главное – он будет напоминать моей девочке о её падении с липы и этим, может быть, предостережет ее от новых проделок. А теперь, друзья мои, – обратилась мама уже ко всем детям, – сегодня вас ожидает много приятного. Ваши юные друзья, дети Извольцевы и Раевы, будут у вас в гостях, а вы примите их хорошенько и старайтесь быть добрыми хозяевами.

– Извольцевы приедут! Ура! – закричал на весь дом Павлик, подбрасывая вверх свою фуражку.

– И Тарочка! – вторила ему Тася.

– Ну, уж твоя Тарочка! Забияка! – уколол сестру мальчик.

– А твой Виктор – глупый! – рассердилась та.

– Тася! Тася! – остановила девочку Нина Владимировна.

– Да когда он первый, мамочка, – оправдывалась та.

– Идите переодеваться, слышите! – строго приказала Марья Васильевна Тасе.

Та хотела буркнуть что-то по своему обыкновению, но, встретив на себе печальный взгляд матери, удержалась на этот раз от грубой выходки.

– Не забудь же пластырь наклеить... Нельзя же с рваным лбом гостям показаться! – успел шепнуть сестре незаметно Павлик.

Тася вся вспыхнула как порох и рванулась было к брату. И снова печальный и добрый взгляд матери остановил ее.

Она потупилась и молча ушла с террасы.

Глава IV

Маленькие гости. – Ссора

Их было шестеро. Сначала подъехал высокий фаэтон-долгуша с детьми Извольцевыми и их пожилой гувернанткой-англичанкой мисс Мабель.

Старший из детей был маленький, весь завитый барашком, паж Викторик, от которого нестерпимо пахло духами, так как он перед отъездом вылил на себя целую банку резеды. Викторик говорил по-французски и не снимал с рук белых перчаток. Его сестры, Мери и Нини, были очень похожи на двух фарфоровых куколок, в своих пышных белых платьях с роскошными поясами и с туго завитыми по плечам локонами. С ними приехал их дальний родственник, хромой Алеша, круглый сирота, которого воспитывали в доме Извольцевых с самого раннего детства.

Вслед за чинными, выдержанными детьми Извольцевыми, поглядывавшими на всех с некоторым высокомерием, прикатили дети Раевы – брат и сестра, Тарочка и Митюша; она – пухлая, здоровая, румяная девочка – шалунья и хохотунья, любимая подруга Таси; он – толстый карапузик, большой забияка. С ними приехала и их молоденькая француженка-гувернантка, не менее веселая и жизнерадостная, нежели они.

– Вот потеха-то, – весело смеясь, еще на пороге кричала Тарочка, – нас чуть из кабриолета Лука не вывернул. Он ударил Красавчика, а Красавчик понес... И экипаж на бок... Вот смеху-то было! М-Ме кричит, Митюша бранится, а я хохочу, хохочу, хохочу!

– Ах, как страшно! – в один голос вскричали сестрицы Нини и Мери.

– Я не понимаю, что тут смешного, когда лошадь несет и экипаж на сторону, – пожимая с пренебрежением плечами, произнес Викторик, взбивая рукой свои туго завитые барашком волосы. – Если б наш кучер осмелился нас вывалить, я бы его проучил моим хлыстом.

– Во-первых, он не вывалил, а во-вторых, ты не смеешь драться! – вся вспыхнув, закричала на него запальчиво Тарочка.

– Не прилично говорить «ты» старшим. Я старше вас, – процедил сквозь зубы Викторик, награждая девочку негодующим взглядом.

– Ах, ты, фюфан! – неожиданно расхохоталась Тася, и прежде, чем маленький паж успел опомниться, она подняла руку и в один миг испортила всю его великолепную прическу, смешав и спутав тщательно завитые волосы.

– Как ты смеешь, невоспитанная девчонка! – сердито крикнул маленький пажик, в то время как его сестры Нини и Мери дружно испустили короткий крик негодования и испуга.

– Ах, скажите пожалуйста, какая неженка! Велика важность – ему прическу смяли! – хохотала Тася во все горло, бойко поглядывая на остальных детей и как бы ища у них сочувствия.

– Девочка не должна так поступать. Эго стыдно, – произнесла по-английски незаметно подошедшая мисс Мабель.

Но Тася не понимала английского языка. Да если бы и понимала, то не обратила бы ни малейшего внимания на замечание гувернантки. Она была вполне счастлива, потому что Тарочка и Митюша – её закадычные друзья – хохотали во все горло над её проделкой, в то время как Павлик и Леночка старались успокоить разобиженного Викторика.

– Дети, обедать! Обедать скорее! – услышался в эту минуту голос Нины Владимировны из комнаты.

И вся толпа маленьких гостей, в сопровождении своих юных хозяев, двинулась в столовую.

Тася первая бросилась к столу, у которого хлопотала чистенькая симпатичная старушка в ослепительно белом чепце.

– Есть хочу! Есть! Есть! Есть! – кричала Тася на всю комнату.

– Да ты бы, Тасюшка, раньше гостей рассадил, – укоризненно покачала головой няня, мельком взглянув на свою воспитанницу.

– Не твое дело, молчи, нянька! – сердито буркнула себе под нос та.

– Вы невозможная девочка! – тихо, но внушительно произнесла Марья Васильевна, наклоняясь к уху Таси.

– Вы невозможная девочка! Вы невозможная девочка! Вы невозможная девочка! – запела на разные голоса Тася, ужасно разевая рот и размахивая руками и ногами в такт песни. – Ай! Ай! Ай! – закричала она неожиданно, прерываясь, – мои любимые пирожки с капустой! Дайте мне первой! Первой мне, мне, мне, мне!

Мисс Мабель, строгая, чопорная англичанка, прекрасно воспитавшая детей Извольцевых, почти с ужасом смотрела на красную, крикливую девчонку, не умеющую вести себя за столом. Нини и Мери молча жались друг к другу. Они даже как будто побаивались этой шумной, бойкой не в меру проказницы. А брат их только бросал на Тасю презрительные взгляды и молча пожимал плечами.

– Что ты смотришь так? Выпучил глаза и смотрит, как таракан! – накинулась на него проказница. – Что мне весело? Ужасно удивительно, право. Не могу же я сидеть, как глупая кукушка, и любоваться вами. Павлик говорит, что у них в корпусе кто живет и шаловливее – того и любят больше. А вот ты зато и не мальчик-кадет, а верченая кукла на пружинах, вот ты кто!

– Тася! Тася! – укоризненно шептала на ухо сестра Леночка. – Ведь эго наши гости!

Как раз в эту минуту Нина Владимировна вошла в столовую и Тася при виде матери вспомнила, что обещала ей вести себя прилично.

Она разом подтянулась и притихла, но ненадолго. Вскоре она совсем забыла свое обещание, громко кричала и хохотала на весь стол, задевала детей, проливали воду и, наконец, дошла до того, что, свернув салфетку, изо всех сил швырнула ее в лицо Викторика.

Салфетка попала как раз в тарелку с супом и разлетевшиеся во все стороны брызги залили и нарядный военный мундирчик маленького Извольцева, и прелестные платьица сидевших по обе его стороны сестриц.

– Ловко! – прошептала, давясь от смеха, Тарочка Раева на ухо Таси, шалости которой она очень одобряла.

– Молодец, Тася, – вторил сестре толстяк Митюша.

– Тася! – строго прикрикнула мама с другого конца стола.

– Нет, это уже слишком! – произнесла, густо краснея, Марья Васильевна и тотчас же добавила суровым тоном: – Вы останетесь без сладкого сегодня.

На сладкое была подана любимая Тасина земляника.

Все дети с удовольствием принялись за вкусное лакомство.

Тася делала вид, что она решительно равнодушна к спелым вкусным ягодам и преспокойно в это время катала по тарелке хлебные шарики, или под шумок представляла своей соседке Тарочке по очереди всех детей Извольцевых.

И Тарочка, и Тася так и покатывались со смеха.

Глава V

Птицелов. – Пажик с разбитым носом

– Давайте играть в кошки-мышки!

– Или в веревочку!

– Нет, в золотые ворота. Я хочу в золотые ворота!

– В кошки-мышки интереснее!

– Нет, нет, я хочу в золотые ворота! Или же в птицелова. Да, да! В птицелова. И больше ни во что.

– Тася, уступи, пожалуйста! Ведь мы хозяева! – робко заикнулась Леночка, незаметно дергая сестру.

– Ах, вот какие глупости! – хорохорилась Тася. – Я самая маленькая из детей, а старшие должны уступать маленьким. Хочу играть в птицелова, или вовсе не стану играть ни во что!

– Ну, и не играй! Вот еще, что выдумала! Без тебя еще веселее будет! – подергивая плечами, произнес Викторик. – Несносная девчонка! – добавил он тихо, сквозь зубы.

– Ах, не надо ссориться! Пожалуйста, не надо, – произнес хромой Алеша, ласково оглядывая круг детей своими добрыми голубыми глазами.

– Давайте играть в птицелова, если ей так хочется! – предложил в свою очередь Митюша.

– Давайте! Давайте! Это превесело! – подхватила Тарочка.

И игра началась.

Тася, уже раз настояв на своем, теперь заспорила снова. Она хотела быть хозяином лавки и выпускать птиц. Да, она или будет представлять хозяина птичника, или вовсе не станет играть. А Алеша пусть будет птицеловом. – Он так смешно перебирает ногами, когда бежит! – И говоря это, она громко расхохоталась, совершенно позабыв о том, что тот же Алеша первый уговорил детей поступить по желанию Таси.

Гувернантки сидели в стороне от детей, стараясь не мешать им в их играх, и Тася снова могла командовать и кричать сколько ей хотелось.

Алеша был очень добрый мальчик и хотя слова Таси и обидели его, он постарался не показать этого.

Нини, Мери, Викторик, Тарочка с Митюшей, Лена и Павлик назвались разными именами птиц.

Тася продавала их покупателю – птицелову Алеше, который называл птиц по очереди, и если среди названных была такая, какая находилась у хозяина-Таси, Тася получала деньги, т. е. ударяла рукой по ладони покупателя в то время, как купленная птица выбегала или, вернее, вылетала из дома и стрелой неслась по дорожке сада вокруг клумбы с цветами.

Птицелов, уплатив деньги, несся за ней во всю прыть и если ему удавалось поймать птицу, то она делалась птицеловом, он же занимал её место в лавке.

Тася очень ошиблась, предполагая, что хромой Алеша будет уступать детям в ловкости и быстроте бега. Алеша, несмотря на свои хромяе ноги, бегал очень быстро, подпрыгивая козликом и ловко настигая играющих. Первым он поймал Викторика, который ради своего приезда в гости надел такие узкие сапоги, что едва мог в них двигаться. Сапоги немилосердно жали, и маленький франтик еле бежал по этому случаю.

– Теперь ты птицелов! Виктор птицелов! – кричал торжествуя Алеша, поймав наконец троюродного брата.

Викторик, морщась от боли, стал на место Алеша. Но ему долго не удавалось поймать никого. Одна только Тарочка, которая была очень полна и неуклюжа, уступала ему в скорости бега. Викторик погнался за Тарочкой. Но в ту минуту, когда он почти настигал девочку, Тася

незаметно для других выставила вперед ногу. Викторик, не видя этого, прибавил шагу и теперь почти что настигал Тарочку, но в ту минуту, как он хотел схватить ее, он зацепил за выставленную ногу Таси и со всего размаха грохнулся на землю.

Тася захохотала. Остальные дети бросились к Викторику поднимать его. Пажик плакал, забыв о том, что он взрослый, и вытирал нос белыми перчатками, которые не захотел снять даже во время игры. На белой лайке злополучных перчаток теперь ярко выступили большие кровавые капли. Викторик, не выносивший вида крови, теперь заревел еще громче при виде этих пятен.

Мисс Мабель со всех ног побежала к нему. M-lle Lise и Марья Васильевна последовали за ней. Дети спорили и кричали, почему упал Викторик. Словом – суматоха получилась полная.

Мисс Мабель помогла подняться Виктору. Не без труда остановила кровь, фонтаном бившую из носа, и просила детей объяснить ей, каким образом случилось все это.

Дети молчали и только переглядывались в большом недоумении между собой. Одна только Тася насмешливо улыбалась. Она терпеть не могла Викторика и была очень довольна, что ей удалось насолить ему.

И вдруг неожиданно вперед выступил хромой Алеша и сказал, прямо глядя в лицо Таси:

– Я знаю, почему упал Виктор. Вот она, – он указал на младшую Стогунцеву, – подставила ему ножку. Никто не видел этого, я один заметил. Он споткнулся о ногу и упал... Нехорошо, стыдно! – добавил мальчик, обращаясь к Тасе, и добрые глаза его теперь смотрели строго, почти сердито.

Марья Васильевна испытующе взглянула на Тасю. Девочке невольно пришлось опустить глаза под этим пронизывающим взглядом.

– Вы будете наказаны. Ступайте за мной, – особенно ясно отчеканив каждое слово, проговорила гувернантка и, взяв Тасю за руку, повела ее к дому.

Глава VI

Земляника. – Снова хромой Алеша

Тася сидела в пустой гостиной и дулась. M-lle Marie привела ее сюда, посадила в кресло и, приказав сидеть так до её возвращения, вышла, оставив девочку одну. Тасе было нестерпимо скучно. Из сада до неё долетали голоса детей.

Дети прекратили игру и теперь о чем-то очень оживленно разговаривали.

– А я тебе говорю, что они не существуют, – громко доказывала Тарочка.

– А няня говорит, что они есть. И что у нас в пруду она их видела! – слабо опровергал ее голос Леночки.

– Твоя няня глупая деревенщина и больше ничего! – вмешался в разговор Митюша. – Мне девять лет только, а я отлично знаю, что русалок нет на свете! Папа говорит, что только невежественные люди утверждают, что они существуют.

– Ах, нет, неправда! – снова зазвенел серебристый голосок Леночки, – няня говорит, что даже видела одну из них. Она выплыла там, где растут лилии у нас на пруду, и пела что-то очень печальное и заунывное. У неё были распущенные волосы и белое платье. Это было очень, очень страшно, няня говорит... Она как увидела ее, то тотчас же стала читать молитву.

– Ну, она и пропала? – в один голос спросили дети.

– Пропала.

– Ах, вздор все это! Ну, хотите, я докажу вам, что все это вздор? – предложила Тарочка. – Попросим только Марию Васильевну покатасть нас в лодке, когда стемнеет, с мисс Мабель и m-lle Lise. Теперь так хорошо по вечерам! Ночи лунные, светлые. M-lle Lise гребет отлично. Будет превесело, право! И кстати вы узнаете, что никаких русалок не бывает на свете.

– А как же Тася? – робко заикнулась Леночка.

– Ну, так что же Тася? – произнесла негодующим голосом Тарочка. – Твоя Тася оказалась очень дурной девчонкой! И я ничуть не жалею, что она наказана. Я до сих пор считала ее доброй девочкой и только большой шалуньей и охотно дружила с ней, а теперь вижу, что она нехорошая, дурная. Подставить исподтишка ножку – это уже не шалость, а злость, она просто злючка, твоя Тася.

– А, так вот ты как! Хорошо же. Ты мне не друг после этого! – задыхаясь от злобы, прошептала Тася, которая слышала от слова до слова весь разговор в саду. – Хорошо же, Тарочка. Я тебе покажу себя! Ты еще пожалеешь, что так поступила со мной!

Тася тут же стала размышлять, как бы посильнее насолить своему недавнему другу.

Голоса детей смолкли в саду. Очевидно они ушли играть в другое место. И Тася, еще более злая и надутая, нежели раньше, снова осталась одна. Ей было и досадно, и скучно. Особенно докучала ей одна мысль: Тарочка ее разлюбила и не хочет знать больше. И жгучая злоба, и какая-то ненависть по отношению к Тарочке грызли теперь озлобленное сердечко Таси.

Она долго думала, как бы побольше досадить Тарочке. Вдруг одна мысль ярко блеснула в голове девочки.

Тарочка утверждает, что русалок нет и все ее слушают и верят ей; так она, Тася, во что бы то ни стало докажет им всем, что Тарочка ничего не знает, что она далеко не так умна, как это кажется, что Тарочка лгунья и что русалки есть...

Тася отлично знала, что все это вздор, и что самые маленькие дети не верят в существование русалок. Правда, простой народ думает, что они существуют – и русалки, и лешие, и всякая «нечистая сила», как называет их няня, которая верит в них... Но все это очень смешно!

«Ну, и пускай смешно! Пускай глупо», – решила Тася.

Дело не в том – смешно или нет, а в том, чтобы хорошенько напугать Тарочку и остальных за то, что они совсем забыли о наказанной Тасе и прекрасно себя чувствуют без неё.

Очевидно, эта мысль очень улыбалась девочке. Лицо её оживилось, глаза заблестели. Она даже запрыгала по комнате и захлопала в ладоши, совершенно позабыв о том, что мама прилегла отдохнуть после обеда.

К довершению счастья, на глаза торжествующей Таси попала тарелка с земляникой, оставленная на рояле для ужина, – той самой земляники, которую не дали за обедом Тасе.

– Ага! Вот они где ее поставили, голубушку! – весело проговорила девочка, и тотчас же сердито нахмурилась снова. – Не думает ли эта злючка Марья Васильевна, что может безнаказанно распорядиться мной. Думала наказать меня за обедом, лишив сладкого, а выходит – накажу всех я, потому что уж, конечно, поем теперь досыта земляники, а им не оставлю ни одной ягодки. Да!

И, говоря это, девочка быстро придвинула к себе тарелку и скоро от ягод не осталось и следа. Тася наскоро обтерла рот и отодвинула пустую тарелку в сторону, тщательно прикрыв ее салфеткой. Она хотела уже с самым беспечным видом отойти от рояля, как неожиданно за её спиной раздался укоризненный голос:

– Ай! Ай! Ай! Как нехорошо брать без спросу!

Девочка испуганно вскрикнула и оглянулась. Перед ней стоял хромой Алеша.

– Зачем ты пролез сюда? – грубо крикнула ему Тася.

– Я пришел звать вас кататься в лодке. Мы все поедem, когда сядет солнце. Ваша гувернантка позволила это, – произнес спокойно мальчик. – А вы зачем съели землянику? Ведь вам было это запрещено, – вдруг неожиданно заключил он.

– Не смей соваться не в свое дело! – резко оборвала мальчика Тася.

– Вы напрасно сердитесь на меня, – так же спокойно произнес Алеша. – Дядя говорит, что тот, берет чужое...

– Да замолчишь ли ты, дрянной мальчишка! – выйдя из себя, закричала взбешенная Тася и кинулась на Алешу с поднятыми кулачками.

Алеша с криком отскочил от неё, уронил стул и с грохотом полетел на него.

– Что такое? Что случилось?

И перепуганная, и запыхавшаяся Марья Васильевна появилась на пороге.

В одну минуту она увидела и лежащего на полу Алешу, и стоящую над ним со сжатыми кулаками Тасю, и пустую тарелку от земляники на рояле – и разом поняла все.

Она прежде всего помогла подняться мальчику, потом схватила Тасю за руку и, подведя ее к роялю, строго сказала, указывая на тарелку:

– Разумеется, землянику съели вы?

Тася стояла, потушив голову и упрямо молчала.

– Признавайтесь, землянику съели вы! – еще раз повторила гувернантка. Новое молчание.

– Ну, берегитесь, Тася! Мамаша узнает обо всем...

И она двинулась было к двери, как вдруг позади прозвучал нерешительный голосок:

– Извините, m-lle, землянику съел я!

И Алеша, весь красный от смущения, смотрел на Марию Васильевну кроткими, заискивающими глазами.

– Вы, Алеша? Не может быть, – удивилась та, зная его как самого милого, честного и благонаправленного мальчика.

Тася молчала. Ей было странно и приятно в то же время это внезапное самообвинение Алеша.

«Вот глупый мальчишка! Берет на себя чужую вину! – вихрем пронеслось в её мыслях. – Что же, тем лучше! Пускай! По крайней мере, это избавит меня от нового наказания», – беспечно решила девочка.

Но m-lle Marie, очевидно, не поверила словам Алеши.

– Ну, землянику, положим, скушали вы, за что я вас прощаю, потому что вы гость, хотя это и очень дурно, – произнесла она с усмешкой, – а кто же заставил вас закричать так громко и упасть на пол? Вот что меня немало интересует. Не думаете ли вы уверить меня, что сами ударили себя или что-нибудь в этом роде? Тут, разумеется, не обошлось без вмешательства Таси! Она толкнула вас и за это будет оставлена без катанья и вплоть до ночи просидит здесь одна... А вы ступайте к детям!

И, взяв Алешу за руку, Марья Васильевна вывела его из комнаты.

Тася снова осталась одна в гостиной. С минуту она стояла в нерешительности. Потом лукавая, недобрая усмешка проскользнула по её красивому личику и она осторожно, крадучись на цыпочках, прошмыгнула в детскую и плотно закрыла за собой дверь. Потом быстро опустила шторы на окнах и принялась за дело.

В следующей главе мы узнаем, за какое дело принялась Тася.

Глава VII

Русалка

Солнце село и на смену ему на небо выплыла полная круглая луна. В августе ночи наступают рано и немудрено поэтому, что в девятом часу вечера в усадьбе было темно. Только серебристые лучи месяца обливали своим бледным светом и зеленую рощу, и далекие нивы, и зеркальную поверхность пруда.

Большая, красивая лодка медленно скользила по поверхности. Кругом шелестела осока и какая-то ночная птичка пронзительно кричала в прибрежных кустах. На лодке царило веселое оживление. Дети болтали и смеялись, не умолкая. Марья Васильевна, Павлик и Тарочка сидели на веслах. Митюша и Алеша занимались тем, что ловили баграми белые цветы водяных лилии, в изобилии покрывавших весь пруд. Сорвав лилии, они со смехом бросали их на дно лодки, обдавая брызгами всех сидевших в ней. Только франтик Виктор да его две сестрицы были недовольны катаньем. Первый никак не мог забыть своего разбитого носа, на котором красовалась теперь огромная нашлепка пластыря, кроме того его щегольские лакированные ботинки не выносили сырости и могли испортиться, и это несказанно удручало мальчика. А Нини и Мери просто боялись кататься и пугливо жались друг к другу.

– Ну, где же твои русалки? – со смехом спрашивала Тарочка Лену, которая, за неимением места, стояла на дне лодки, опираясь рукой на плечи брата, сидящего на веслах.

– Русалок нет, сама видишь, и няня твоя рассказывала тебе сказку, а ты и поверила ей, трусиха! – вторил сестре карапуз Митюша, – сама, небось, видишь!

– Вижу! – покорно согласилась Леночка.

– И в наказание за трусость ты должна нам спеть что-нибудь, – решительно заявила Тарочка. – Спой, Леночка, – ласково добавила она.

– Спой! Спой, Леночка! – подхватили остальные дети.

У одиннадцатилетней Леночки был чудесный голосок. Она знала много разных красивых песен, которым ее с любовью обучила Нина Владимировна, сама имевшая очень хороший голос.

– Спойте нам какой-нибудь романс! Я ужасно люблю слушать романсы! – неожиданно оживился Викторик, проговорив все это тоном взрослого молодого человека.

Дети громко расхохотались. Гувернантка также. Викторик обиделся и надулся.

– Что тут смешного, – процедил он сквозь зубы и в нос, очевидно подражая кому-то, – у каждого порядочного человека должен быть хороший вкус. И что я люблю слушать романсы, это доказывает только, что у меня хороший вкус. Меня очень удивляет, что вы этого не понимаете, – закончил он обиженным тоном.

– Постойте, я вам сейчас спою что-то! – решительно заявила Леночка.

Через минуту нежный, звучный, красивый детский голосок полился мелодичной волной над водами сонного пруда. Месяц снова выглянул из-за облака и залил целым потоком лучей маленькую стройную фигурку, стоявшую посреди лодки, делая Леночку при этом освещении похожей на какое-то фантастическое существо.

Леночка пела, вся залитая лунным сияньем, ту песенку, которой недавно ее научила мать. Дети разом притихли, очарованные и красивым мотивом, и прелестным голосом певицы.

Леночка пела:

Тихо дремлет ночь немая,
Месяц свет лучистый льет,
А русалка молодая

Косы чешет и поет:
«Мы живем на дне, глубоко
Под студеной волной,
И выходим из потока
Поздно, поздно в час ночной!
Там, где лилии сверкают
Изумрудом их стеблей,
Там русалки выплывают
В пляске радостной своей.
Тихо, тихо плещут воды,
Всюду сон, покой и тишь...
Мы заводим хороводы
Там, где шепчется камыш...
Там, где...»

Песня вдруг разом оборвалась и громкий, отчаянный вопль пронесся над прудом. Леночка, вдруг побледневшая, как мертвец, подняла руку и указывала ею на что-то.

Все разом, как по команде, повернули головы в ту сторону, куда указывала Леночка.

У берега, в том месте, где плакучая ива купала в пруду свои ветви, раздвинулись кусты осоки и небольшая белая фигура с распущенными волосами, очень похожая на те, что изображают русалок на картинках, появилась, вся облитая серебряным сиянием месяца.

– Русалка! – вырвалось одновременно из уст всех восьмерых детей.

И вдруг новый крик диким, пронзительным стоном повис над водой. Леночка, до сих пор стоявшая посреди лодки, зашаталась и без чувств грохнулась за борт, прямо в черную, холодную воду пруда.

В ту же секунду ответный крик прозвучал на берегу и вмиг белая русалка сорвала с себя покрывавшую ее одежду и из длинного со шлейфом одеяния выскользнула фигурка девочки в коротеньком платье, кричавшая во весь голос:

– Леночка утонула! Леночка утонула! Спасите Леночку, – и Тася с плачем металась по берегу.

Глава VIII

Последствия злой шалости

Тася была напугана не менее тех, кто находился в лодке. Она видела, как зашаталась Леночка, как упала на борт и как потом перевернулось в воду её маленькое худенькое тельце. Этого Тася никак не ожидала. Леночка за всю свою коротенькую жизнь никогда ни с кем не ссорилась и всячески старалась выгораживать Тасю перед старшими. Она, Тася, хотела только напугать Тарочку, Викторика и этих неженек-сестриц, но отнюдь не бедную Леночку. И вдруг все это так вышло. Пострадала Леночка. Одна бедная, милая Леночка. И Тася металась по берегу, громко крича и плача навзрыд.

– Спасите Леночку! Спасите! Спасите! – стонала она.

Между тем на лодке не дремала Марья Васильевна и успела вовремя выхватить багор из рук Алеши и зацепить им за платье упавшей в пруд девочки. Скоро на поверхности воды появилось сначала белое платье, потом худенькая ручка, а за ней и белокурая головка Леночки.

Мисс Мабель быстро перегнулась за борт и сильными руками вытащила из воды девочку.

Теперь следовало как можно скорее приплыть к берегу. Маленькие гребцы налегли на весла. Бесчувственную Леночку завернули в большую пелерину мисс Мабель и лодка быстро заскользила по направлению к пристани. Лишь только она причалила к берегу, Тася первая бросилась к мосткам.

– Что с Леночкой, ради Бога, что с нею? – дергая то того, то другого за платье, кричала она, не переставая плакать.

Но никто даже внимания не обратил на тревогу девочки. Дети старались не смотреть на нее и точно умышленно отворачивались от Таси. Они справедливо считали ее виновницей несчастья.

Только Марья Васильевна сурово взглянула на девочку и произнесла глухо:

– Полюбуйтесь, что вы наделали. Вы убили вашу сестру.

Тася дико вскрикнула и закрыла лицо руками. Когда она открыла его снова, то ни Леночки, ни детей, ни гувернанток уже не было на пристани. Маленькая толпа двигалась по дороге к дому.

Тася с опущенной головой и сильно бьющимся сердцем последовала позади всех. Она видела, как выбежала на террасу мама, как она с легкостью девочки прыгнула с крыльца и, подбежав к Марье Васильевне, несшей Леночку, выхватила из её рук девочку и, громко рыдая, понесла ее в дом. В один миг появились простыней. Мама свернула одну из них на подобие гамака, положила в нее безжизненную Леночку и при помощи трех гувернанток стала качать ее изо всех сил в обе стороны.

– Это чтобы воду изнутри выгнать у неё, голубушки, – пояснила появившаяся на шум няня.

Старушка вся дрожала от страха за свою питомицу и крупные слезы текли по её морщинистым щекам. Леночка была любимицей няни.

Тася видела из своего угла, как сосредоточены и суровы были лица у взрослых, как недоумевающее испуганы у детей, столпившихся в кучу, точно стадо на смерть испуганных барашков.

И вдруг какой-то слабый звук, не то рыданье, не то стон, послышался под простыней и тотчас же целая струя воды хлынула из ушей, носа и горла Леночки. В ту же минуту мертвенно-бледные щечки больной зажглись чуть заметным румянцем и Леночка открыла глаза.

– Жива! Слава Тебе, Господи! – вскричала радостным, счастливым голосом Нина Владимировна. – Теперь доктора, доктора скорее! Ради Бога, пошлите за доктором, – рыдала она.

– Дитя вне опасности! – подтвердила мисс Мабель и помогла Марье Васильевне и хозяйке дома перенести Леночку в спальню Стогунцевой.

Тася медленно последовала за ними и незаметно приютилась в ногах постели.

Когда мисс Мабель вышла снова к детям, она велела им собираться как можно скорее домой, потому что больной Леночке был необходим полный покой и тишина. Дети Извольцевы бесшумно оделись и сели в экипаж; Раевы последовали их примеру. С ними вместе уехал и Павлик, посланный вместе с конюхом Андроном верхом за ближайшим врачом.

Леночка по-прежнему неподвижно лежала на маминой постели, бледная и осунувшаяся, похожая скорее на какой-то хрупкий нежный цветок, чем на живую маленькую девочку.

Марья Васильевна вышла на кухню готовить горячее питье для больной, и мама теперь осталась одна у постели девочки.

Тася только и ждала, казалось, этой минуты. Она быстро подошла к матери и, с трудом сдерживая слезы, прошептала:

– Мамочка, прости... Прости, мамочка! Я не хотела. Ей Богу не хотела... Я думала напугать Тарочку. Я пошутила только, и вдруг Лена – бух! Ах, Господи! Никогда не буду! Если бы я знала. Я дурная, гадкая... Я Виктору нос разбила... Я Алешу побить хотела... Я землянику съела... Все я, я, я!.. Только Леночку я не хотела! Право! Я русалкой нарядилась не для неё... А вышло, что она из-за меня чуть не утонула...

Тася захлебывалась слезами. Сначала она говорила тихо, а потом все громче и громче. Потом для большей убедительности стала кричать на всю комнату.

Леночка испуганно вздрогнула, забилась и заметалась в постели.

– Русалка! Русалка! – в ужасе расширяя неестественно горящие глаза шептала она, задыхаясь.

Мама бросилась к ней, обвила руками её белокурую головку и стала нашептывать ей на ушко:

– Успокойся, мое золото, успокойся, моя радость. С тобой твоя мама! Ленушечка моя!

И как только девочка стихла под влиянием ласкового шепота, Нина Владимировна снова села на прежнее место и, сухо взглянув на Тасю, произнесла таким строгим, холодным тоном, каким еще никогда не говорила с ней:

– Уйди. Я не хочу тебя видеть до тех пор, пока ты не исправишься. Твоя злая выходка чуть не стоила жизни сестре. Ступай. Я не хочу тебя видеть, недобрая, нехорошая девочка! Марья Васильевна была права – тебя надо отдать в строгие руки, пока ты окончательно не испортилась дома.

Тася взглянула на маму, как бы спрашивая, не шутит ли она? Но нет. Лицо мамы строго, почти гневно. Таким она никогда его не видела.

Что же это? Или она разлюбила Тасю?

Девочка, однако, не смела послушаться и, низко опустив голову, тихо поплелась из маминной спальни.

Глава IX

Неожиданная новость. – Отъезд

Доктор только что уехал. Из своего любимого уголка – небольшой беседки из дикого винограда, находившейся в дальнем конце цветника – Тася видела, как ему подали тройку, и мама проводила его до крыльца.

Вот уже три недели, как больна Лена. Seriously больна. После её злополучного падения в пруд у неё сделалась нервная горячка, и она была на волоске от смерти. Тася все это время проводила одна. Все были заняты больной. Только по утрам Марья Васильевна давала уроки девочке и, окончив их, спешила в спальню – помогать Нине Владимировне ухаживать за больной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.